

ВАЛЕНТИН
БАДРАК

ЧИСТИЛИЩЕ

Роман

В двух книгах

Книга вторая

Тысяча звуков тишины
(SATTVA)

Харьков
«ФОЛИО»
2014

Движения звезд могут показаться безумными простаку, но мудрые люди понимают, что кометы возвращаются.

Владимир Набоков

ГЛАВА ПЕРВАЯ ВНЕ ЗОНЫ ДОСЯГАЕМОСТИ

1

Место обитания Шуры несказанно удивило Лантарова. Шура, управляя машиной, хранил молчание. Дорога вскоре стала совсем плохой, ухабистой, и он весь сосредоточился на вождении, продвигаясь плавно и осторожно, будто крадучись. Лантаров не выдавал своего внутреннего смятения, но вид первобытного, нечищеного леса с настоящими буреломами и упавшими от старости деревьями по обе стороны дороги его поражал и настораживал. На дороге почти не было снега, в лесу же он лежал плотным грязно-белым покровом, похожий на застывший слой сметаны. Больному казалось, что они уже подкатывают к самой окраине мира, да и пуховая подушка под поясницей сбилась, и как ни старался водитель, каждая кочка отдавала тупой болью в костях и приливом страха в голове. Когда после двух с половиной часов Шура, миновав затхлый хутор с десятком небольших домиков, въехал в лес, Кирилл не выдержал.

— Шура, это уже целая экспедиция. Я думал, что твое Простоквашино выглядит более цивилизованно.

Шура ухмыльнулся, как бы говоря: «Я ведь предупредил тебя, молодой человек». Тут машина прошла

очередной зигзаг, взвизгнула то ли от радости, то ли от непосильного напряжения, и Лантаров увидел дом, возникший как бы посреди леса. Шура улыбнулся и кивнул на весьма необычное жилище из бревен, похожее больше на приземистую, продолговатую конюшню или барак, чем на дом. Лантаров недоуменно посмотрел на Шуру, в глазах которого светились удовлетворение и неподдельная радость. «Черт, уму непостижимо, куда меня нелегкая занесла!» — подумал он в смятении.

Когда дверка машины отворилась, Лантарову ударил в голову и тут же поглотил целиком необыкновенно свежий, сочный, пьянящий воздух, насыщенный сосновой смолой, ароматом двух гигантских дубов и еще чем-то непонятным и неповторимым. Дух перехватило, горло сдавило от непривычной, раздражающей концентрации запахов природы. Он закашлялся, а Шура в ответ улыбнулся.

— Добро пожаловать в санаторий, — торжественно возвестил хозяин лесного жилища.

— Кхе, кхе... И как же он называется? — прочистив горло, спросил Лантаров. Сердце у него забилось немного быстрее, но не от вида лесного домика на живописной полянке с двумя зрелыми дубами и частоколом сосен с трех сторон, — он заколебался, сможет ли провести тут немало дней и ночей, освободившись от уныния и тоски последних месяцев.

Шура же довольно хмыкнул и задумался.

— Хм... Да я как-то не думал об этом. Но — очень хорошая мысль. Надо будет придумать название и сделать большую табличку. Ладно, давай я тебя перенесу в дом.

Лантаров хотел было протестовать, но тут вдруг появился лохматый самоуверенный волкодав с пронизательными и строгими глазами капитана госохраны. Пес подошел к нему и настороженно понюхал, его раздувающиеся ноздри не внушали доверия. Похоже, запах ему не пришелся по душе, потому что дружелюбия у него ничуть не прибавилось.

— Тёма, спокойно, свои, — уверенным, отрывистым голосом предупредил кобеля Шура, и тот повернулся к нему. Уже в следующее мгновение, радостно виляя обрубком хвоста, белое с черными подпалами чудовище уткнулось большой мохнатой мордой в подставленные руки хозяина.

— Так, давай, не мешай. Ступай к дому, — приказал ему Шура, сначала потрепав за обрезанное ухо, а затем слегка оттолкнув. Тот нехотя отошел на пару метров, принял игривую позу и стал наблюдать за происходящим.

— Как медведь... — констатировал Лантаров, с опаской наблюдая за грозным животным.

— А то, — подтвердил Шура, — знай наших. Этот алабай — охранник отменный. Подружишься.

«Ну да, подружишься с такой зверюкой», — недоброжелательно подумал Лантаров.

Шура осторожно взял на руки уже слегка застывшего от мороза парня, и Лантарова охватили смешанные чувства. Ему было неприятно, что с ним возятся, как с ребенком. С другой стороны, ему было уютно и до необычного ребячливого восторга радостно ощутить себя защищенным и окутанным заботой. На один миг возникло и затем тут же стыдливо ис-

чезло ощущение маленького мальчика, желанного и любимого ребенка. В доме Шура уложил его на широкую, но довольно твердую кровать посреди большой комнаты. Она больше походила на невзыскательно сбитые нары, которые покрывал простой жесткий матрац. Лантаров провел рукой под кроватью и едва не вскрикнул от боли — от шероховатой доски он загнал себе в палец занозу. Лантаров выругался про себя, благо, Шура возился в это время на улице и ничего не заметил. Парень осторожно извлек из пальца колкий кусочек дерева и с неприязнью бросил его на пол. Ему никогда не приходилось спать на таком диковатом ложе. Превратится ли он в скромного аскета — он, привыкший жить в городских апартаментах и ни в чем себе не отказывать? Или выйдет отсюда еще более отупевшим, одичавшим, грязным и заскорузлым, как крестьянин времен крепостного права? Ну и кретин же он, поверил этому Шуре, который, может быть, всю жизнь жил индейцем в добровольно созданной резервации. «Ладно, — заключил Кирилл, только бы встать на ноги, а там — пятки сверкнут, и не найдете меня днем с огнем!»

Вернулся Шура с охапкой дров в руках и заботливо посмотрел на гостя. Лантаров заметил, что вместе с Шурой в дом неслышной мягкой поступью проник большой белый кот, который по-хозяйски присел у ног Шуры и стал бесцеремонно и неприветливо разглядывать Лантарова. В наглых, немигающих глазах кота стоял задорный вопрос: «Ну че, парниша, пожаловал?»

— Как тебе, тепло?

В помещении, действительно загодя щедро протопленном и довольно светлом, было вполне сносно. Во всяком случае, никаких явных неудобств не было.

— Да, отлично все, — ответил он, фальшиво улыбаясь.

— Поначалу тебе будет неудобно и одиноко, — наставительно предупредил Шура, остановившись в дверях, — но это явление для души временное, и ты это поймешь и почувствуешь. Ладно, я сейчас еще подтоплю, и будем обедать.

Шура пошел к печке, и кот последовал за ним, как тень, неслышная и неприметная, живущая по своим собственным законам.

Лантаров кивнул и стал рассматривать убранство, совершенно не вяжущееся с внешним миром, от него веяло беспризорным бытом. С одинаковым успехом Лантаров мог бы назвать этот дом и нечестивым логовом, и оригинальным устройством для жизни.

Сам дом изнутри и снаружи был сплошь из дерева, как сруб одного из сибирских поселений. Но при всей грубости тесаной конструкции, незамысловатости самой постройки гость мимо воли отметил, что внутри комфортно. «Да, жить можно, вернее, выжить», — подумал он, когда увидел в углу комнаты большой, блестящий матовой сталью холодильник высотой с рослого парня. Но сложенная рядом на столике деревянная посуда отдавала мрачным туземным бытом. Пол был из грубых, тесаных досок, а стены, аккуратно обитые светлыми узкими досками, имитирующие брус, выглядели вполне симпатичными. Больше всего Лантарова удивили до отказа набитые книгами полки по всей внутренней окруж-

ности этой довольно большой комнаты. Полки несколько раз прерывались, и между ними располагались странные, однотипные плакаты. Ничего подобного ранее он не видел. То были именно плакаты, а не картины, потому что на каждом из них, по всей видимости, цифровой печатью были выведены контуры чьего-то лица, а ниже — какие-то слова или предложения. Довершал несуразную экзотическую картину большой, невероятно длинный, стоявший меж двух окон письменный стол. На нем также застыли, будто внезапно застигнутые врасплох, неровные стопки книг, лежали несколько раскрытых фолиантов посреди стола, какие-то тетради, ручки, цветные карандаши. На столе царила незавершенность, ощущение прерванного, какого-то замысловатого процесса, наполненного застывшим на время хаосом. И даже паутина по углам, явно не убираемая месяцами, как и пыль на книжных полках, казались не признаками беспорядка или безалаберности хозяина, но маяком того же, уравнивающего все сущее спокойствия. Лантаров вынужден был признать, что именно эти многочисленные тома, невинное нагромождение пишущих инструментов и тетрадок, эти нависшие полки, наскоро смастеренные из досок и продетых в них веревок с узлами для крепления, и создавали жизнь утлому домику. Тут был стойкий запах труда, какой-то простодушной и упорной деятельности, запах книг, свободно блуждающих неортодоксальных мыслей; был запах чего-то такого, чего он не знал и не понимал. Из всего убранства комнаты гость у печи увидел только резную деревянную подставку, на которой было выложено около десятка различных ножей: охотничьих, военных, несколько оригина-

нальных клинков с замысловатыми конструкциями лезвий и рукоятей и даже боевой армейский штык-нож с пластиковой ручкой терракотового цвета. Подставка походила на выставочный стенд, но какой-то доисторический, кустарной работы, предназначенный явно не для показа гостям. Рядом, на двух вбитых прямо в печь крюках, покоилась кочерга и вызывающе стояло ведро с большой вмятиной на боку; из него торчала рукоять совка.

Но было и нечто, основательно разочаровавшее Лантарова. Нигде ни телевизора, ни компьютера, ни даже приемника.

— Шура, — крикнул он жалобным голосом, объятый беспокойством, — только не говори, что у тебя нет интернета и телевизора! Не убивай меня!

Шура в ответ ухмыльнулся, и Лантаров с досадой откинул голову на подушку. «Ну как, скажите мне, как можно жить без связи с миром?! Это — дурдом!» — раздраженно подумал он, уже забыв, как в больнице соглашался на любые условия, лишь бы выписаться.

В комнате показался большой рыжий кот, упитанный и бесстрашный. Лантаров уставился на него, и кот сел у печки и тоже с любопытством стал оглядывать гостя. Парню пришло в голову, что у этого кота есть настоящий интеллект, сродни человеческому.

— Ну ни фиги себе, смотрит на меня совсем как человек, — поделился он впечатлением с хозяином дома, — приворожить меня хочет, что ли?

— Да, это мудрый кот, — отозвался Шура, распаковывающий большую, принесенную из машины сумку, — Васьюкой зовут.

Васька медленно, но решительно, плавающей походкой приблизился к Лантарову и понюхал предложенную ему руку. Затем он подумал и приветливо сказал: «Мяу!»

— Привет, — ответил ему ошеломленный пришелец.

2

Они собрались обедать, для чего переместились в комнату поменьше, где посредине стоял добротный деревянный стол и четыре табурета. Двери в другую комнату не было, да, впрочем, не было и стены — она располагалась по другую сторону печи, которая просто визуально отделяла одну комнату от другой. Возле окна взгляд Лантарова обнаружил электрическую плитку и электрокипятильник, но в другом углу на стенах красовалось несколько полок с книгами. Между ними Шура умудрился втиснуть еще два плаката — точь-в-точь, как предыдущие, только другие лица и другие слова. Между тем Шура грел кастрюлю не на электроплитке, а на хорошо разогретой печи.

— Шура, ты везде читаешь?

— Не-ет, просто места не хватает. — Хозяин дома удовлетворенно, с хитрецей, ухмыльнулся. — А хорошие и нужные книги стоит держать под рукой.

«Так, сейчас заведется по поводу книг — хлебом не корми, дай поболтать о книгах», — с сарказмом подумал Лантаров и решил перевести разговор.

— Слушай, Шура, где мы находимся? Куда ты меня привез?

Шура прищурился, на лице его отразилось привычное выражение — смесь невозмутимости с легким налетом иронии.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава первая.</i> Вне зоны досягаемости	3
<i>Глава вторая.</i> Дневник недоплощенного героя	79
<i>Глава третья.</i> Инфекция	144
<i>Глава четвертая.</i> Зерна, меняющие мир	190
<i>Глава пятая.</i> Разрыв реальности	227
<i>Глава шестая.</i> Код бытия	287
<i>Глава седьмая.</i> Урочище Парадиз	339
Эпилог.	375